

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ/CRIMINAL LAW SCIENCES

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.167.80> EDN: ADDMCU**УЧАСТИЕ ПЕРЕВОДЧИКА РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА (СУРДОПЕРЕВОДЧИКА) ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Научная статья

Голикова Н.Л.^{1,*}¹ Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Волгоград, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (natalya.golikova1988[at]mail.ru)

Предложена: 04.04.2026; Принята: 30.04.2026; Опубликовано: 18.05.2026

Аннотация

В статье исследуются проблемы правового обеспечения участия переводчика русского жестового языка (сурдопереводчика) при производстве следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи. Обосновывается, что цифровизация предварительного расследования, направленная на повышение оперативности и доступности процессуальных процедур, не должна снижать уровень гарантий, связанных с правом на защиту, правом быть услышанным и правом пользоваться языком, которым владеет участник уголовного судопроизводства. Научная новизна исследования состоит в уточнении процессуальной роли сурдопереводчика в дистанционном следственном действии, разграничении его функций с функциями специалиста, а также в формулировании специальных требований к техническим и организационным условиям видеосвязи при использовании русского жестового языка. На основе анализа законодательства, научных источников и обобщенных правоприменительных ситуаций предлагается дополнить уголовно-процессуальное регулирование нормами о квалификации переводчика русского жестового языка, порядке фиксации перевода, проверке качества визуального канала и недопустимости подмены профессионального перевода бытовыми навыками жестовой коммуникации.

Ключевые слова: сурдопереводчик, переводчик русского жестового языка, русский жестовый язык, видео-конференц-связь, следственные действия, уголовное судопроизводство, специалист, переводчик, процессуальные гарантии, право на защиту.

THE PARTICIPATION OF A RUSSIAN SIGN LANGUAGE INTERPRETER IN INVESTIGATIVE PROCEDURES CONDUCTED VIA VIDEO CONFERENCE: PROCEDURAL GUARANTEES AND DIRECTIONS FOR IMPROVING LEGISLATION

Research article

Golikova N.L.^{1,*}¹ Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

* Corresponding author (natalya.golikova1988[at]mail.ru)

Suggested: 04.04.2026; Accepted: 30.04.2026; Published: 18.05.2026

Abstract

The article examines the problems of legal safeguards for the participation of a Russian sign language interpreter during investigative proceedings conducted via video conferencing systems. It is argued that the digitalisation of preliminary investigations, aimed at improving the efficiency and accessibility of procedural processes, should not diminish the level of guarantees related to the right to defence, the right to be heard, and the right to use a language in which a participant in criminal proceedings is proficient. The scientific novelty of the research lies in clarifying the procedural role of the sign language interpreter in remote investigative proceedings, distinguishing their functions from those of a specialist, and formulating specific requirements for the technical and organisational conditions of video communication when Russian sign language is used. Based on an analysis of legislation, academic sources and generalised law enforcement situations, it is suggested that criminal procedure regulations be supplemented with provisions on the qualifications of Russian sign language interpreters, the procedure for recording the interpretation, the verification of the quality of the video link, and the inadmissibility of substituting professional interpretation with everyday sign language skills.

Keywords: sign language interpreter, Russian sign language interpreter, Russian sign language, video conferencing, investigative procedures, criminal proceedings, specialist, interpreter, procedural guarantees, right to defence.

Введение

Цифровизация уголовного судопроизводства, развитие дистанционных технологий и стремление обеспечить разумные сроки расследования объективно усилили интерес к использованию видео-конференц-связи при производстве следственных действий. В УПК РФ закреплена возможность проведения допроса, очной ставки и опознания путем использования систем видео-конференц-связи государственных органов при наличии технической возможности. Однако техническая модернизация не может рассматриваться как самоцель и не должна подменять процессуальные гарантии, особенно в случаях, когда участником следственного действия является лицо с нарушением слуха, использующее русский жестовый язык [1], [2].

Конституционные положения о защите прав личности, судебной защите, достоинстве человека и квалифицированной юридической помощи получают развитие в уголовно-процессуальных правилах о языке судопроизводства и праве участника пользоваться помощью переводчика. Одновременно федеральное законодательство о социальной защите инвалидов признает русский жестовый язык языком общения при наличии нарушений слуха и (или) речи, а профессиональный стандарт переводчика русского жестового языка связывает такую деятельность с наличием специальной подготовки и квалификации [1], [3], [5]. Поэтому участие сурдопереводчика в дистанционном следственном действии не является факультативным техническим элементом: оно выступает условием реального, а не формального участия лица в уголовном процессе.

Актуальность исследования обусловлена тем, что действующее уголовно-процессуальное законодательство, регулируя саму возможность дистанционного формата, не раскрывает специфику участия переводчика русского жестового языка в таком формате. Закон не определяет специальных требований к качеству визуального канала, порядку размещения участников в кадре, фиксации перевода, проверке его полноты и пределам участия должностных лиц, обладающих лишь бытовыми навыками жестовой коммуникации [2], [3], [5]. В результате возникает риск ситуации, при которой следственное действие внешне соответствует требованиям закона, но фактически не обеспечивает полноценного понимания задаваемых вопросов, разъясняемых прав и получаемых ответов.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении проблем правового регулирования участия переводчика русского жестового языка при производстве следственных действий по ВКС и разработке предложений по их устранению. Для достижения указанной цели решаются следующие задачи:

- определить процессуальную функцию сурдопереводчика; разграничить ее с функцией специалиста;
- показать значение технических параметров видеосвязи для полноты перевода;
- проанализировать типичные правоприменительные ситуации, в которых формальное привлечение лица, владеющего отдельными жестами, не обеспечивает надлежащей процессуальной коммуникации;
- сформулировать предложения по совершенствованию УПК РФ и ведомственного регулирования.

Научная новизна исследования выражается, во-первых, в предложении рассматривать переводчика русского жестового языка в дистанционном следственном действии как самостоятельного процессуального участника, обеспечивающего реализацию права на язык судопроизводства, а не как технического помощника следователя; во-вторых, в обосновании недопустимости смешения статусов переводчика и специалиста при производстве следственных действий по ВКС; в-третьих, в выделении специальных критериев допустимости дистанционной коммуникации с лицом, использующим русский жестовый язык: подтвержденная квалификация переводчика, непрерывная визуальная фиксация обоих каналов коммуникации, надлежащее качество изображения, возможность заявления отвода или ходатайства о замене переводчика, а также последующая проверяемость перевода по видеозаписи [6], [8].

Методы и принципы исследования

Методологическую основу исследования составили диалектический метод познания, формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой и логико-аналитический методы. Использовались положения Конституции Российской Федерации, УПК РФ, законодательства о социальной защите инвалидов, разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, а также научные работы, посвященные правовому статусу сурдопереводчика, криминалистическим особенностям исследования личности глухих и слабослышащих участников процесса, средствам невербальной коммуникации и особенностям установления психологического контакта при производстве допроса. Нормативную базу исследования образуют, в частности, ст. 18, 58, 59 и 189.1 УПК РФ, а также положения о русском жестовом языке и профессиональных требованиях к переводчику русского жестового языка.

Основные результаты

Проблематика участия переводчика русского жестового языка в следственных действиях с использованием ВКС имеет двойственную природу. С одной стороны, ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ предоставляет следователю и дознавателю право проводить допрос, очную ставку и опознание путем использования систем видео-конференц-связи государственных органов при наличии технической возможности. Закон устанавливает обязательность видеозаписи, особенности составления протокола, порядок удостоверения разъяснения прав, а также ограничения применения дистанционного формата в ситуациях, связанных с риском разглашения охраняемой законом тайны или данных о защищаемом лице [2]. С другой стороны, введенная модель ориентирована преимущественно на устную речь и не содержит специальных правил для ситуаций, когда восприятие и передача юридически значимой информации осуществляются через русский жестовый язык.

Именно поэтому перевод в рассматриваемых условиях имеет не вспомогательное, а гарантийное значение. Для слышащего участника ВКС технический сбой может привести к временной потере звука или изображения, но в большинстве случаев содержание вопроса может быть повторено. Для глухого участника, воспринимающего информацию через русский жестовый язык, качество визуального канала является основным условием понимания. Нарушение ракурса камеры, недостаточная освещенность, задержка сигнала, низкая частота кадров, частичное закрытие рук или лица участника способны исказить не отдельную деталь, а сам смысл сообщения. Исследования невербальной коммуникации подтверждают, что мимика, направление взгляда, положение корпуса, темп и паузы имеют существенное значение для восприятия высказывания и установления психологического контакта при допросе [9], [10].

Первый обобщенный пример связан с дистанционным допросом глухого подозреваемого, при котором переводчик находился в отдельном помещении, а камера фиксировала преимущественно лицо допрашиваемого, оставляя кисти рук частично вне кадра. В протоколе было указано, что права разъяснены, перевод обеспечен, видеозапись ведется. Однако последующий просмотр записи не позволял достоверно установить, какие именно жестовые сообщения были

переданы и понял ли участник содержание разъясненных прав. Такая ситуация показывает, что простого указания на участие переводчика недостаточно: в протоколе и видеозаписи должны быть отражены условия, позволяющие проверить полноту коммуникации [4], [8].

Второй пример касается производства очной ставки по ВКС, когда участник, использующий русский жестовый язык, видел следователя и другого участника, но не имел постоянной возможности видеть переводчика. Следовательно исходил из того, что переводчик слышит вопросы и затем передает их жестами, однако при смене активного окна видеоконференции изображение переводчика периодически исчезало. В результате участник мог видеть реакцию оппонента, но не всегда одновременно воспринимал перевод вопроса, уточнения или реплики. Для обычной устной коммуникации такая техническая организация может быть приемлемой, но для русского жестового языка она создает риск фрагментарного восприятия и нарушает состязательную природу очной ставки [9], [11].

Третий пример связан с попыткой заменить профессионального сурдопереводчика сотрудником полиции, обладающим отдельными навыками жестовой коммуникации. Формально такая замена мотивируется оперативностью: сотрудник способен показать отдельные дактильные обозначения и понять простые бытовые жесты. Однако в процессе следственного действия он не обеспечивает смыслового перевода юридически значимых вопросов, не уточняет неоднозначные высказывания, не проверяет понимание процессуальных прав и одновременно сохраняет служебную связь с органом, осуществляющим уголовное преследование. Это приводит к двум самостоятельным рискам: снижению качества перевода и сомнению в нейтральности коммуникативного посредника [7].

УПК РФ разграничивает статус специалиста и переводчика. Специалист привлекается для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств, постановке вопросов эксперту и разъяснении вопросов, входящих в его компетенцию. Переводчик же обеспечивает перевод и тем самым реализацию права участника пользоваться языком, которым он владеет [2]. В практическом обороте сурдопереводчик нередко именуется «специалистом», поскольку обладает специальными знаниями в области русского жестового языка и особенностей коммуникации глухих лиц. Однако при производстве следственного действия его основная процессуальная функция состоит именно в переводе, а не в экспертном разъяснении обстоятельств дела или применении технических средств.

Смешение статусов может повлечь существенные правовые последствия. Если сурдопереводчик оформлен как специалист, но фактически осуществляет перевод, возникает вопрос о соблюдении требований ст. 18 и 59 УПК РФ, о разъяснении прав и ответственности переводчика, о возможности заявить ему отвод, а также о допустимости полученных доказательств [2], [4]. Напротив, когда переводчик русского жестового языка привлекается именно в статусе переводчика, его участие приобретает процессуально проверяемый характер: устанавливается личность, квалификация, отсутствие заинтересованности, предупреждение об ответственности и объем выполняемой функции.

Профессиональный стандарт «Переводчик русского жестового языка» закрепляет требования к трудовым функциям и квалификации такого лица, что имеет значение и для уголовного процесса [5]. Указанные требования не могут автоматически подменять нормы УПК РФ, однако они должны учитываться при оценке того, является ли лицо надлежащим переводчиком. В противном случае право на перевод может превратиться в формальную отметку в протоколе: присутствовал человек, умеющий использовать отдельные жесты, но не был обеспечен профессиональный перевод юридически значимой информации.

Особое значение имеет фиксация перевода. Видеозапись следственного действия по ВКС должна позволять не только подтвердить сам факт дистанционного взаимодействия, но и проверить, какие вопросы задавались, как они переводились, какие ответы давались и как они передавались следователю. При использовании русского жестового языка такая проверяемость возможна лишь при одновременной и непрерывной фиксации лица, осуществляющего перевод, и участника следственного действия. Иначе видеозапись теряет доказательственное значение для оценки полноты и точности коммуникации [2], [8].

Дополнительным риском является протокольная фиксация. В протоколе следственного действия обычно отражаются данные о переводчике и факт разъяснения ему обязанностей. Однако применительно к ВКС этого недостаточно. В протоколе целесообразно указывать сведения о квалификации переводчика русского жестового языка, технических средствах связи, расположении участников, наличии или отсутствии технических сбоев, порядке видеозаписи, а также заявления участников относительно качества перевода и понимания задаваемых вопросов. Такое уточнение согласуется с общими требованиями к достоверности протокола и с разъяснениями о необходимости реального обеспечения права на защиту [4], [5].

Обсуждение

Совершенствование законодательства представляется необходимым по нескольким направлениям. Во-первых, ч. 1 ст. 59 УПК РФ целесообразно дополнить указанием на то, что при участии лица, использующего русский жестовый язык, переводчиком является переводчик русского жестового языка (сурдопереводчик), обладающий подтвержденными образованием и квалификацией. Такая поправка позволила бы связать уголовно-процессуальный статус переводчика с требованиями законодательства о социальной защите инвалидов и профессионального стандарта, не смешивая его с процессуальным статусом специалиста [5], [6].

Во-вторых, ст. 189.1 УПК РФ следует дополнить специальной частью, посвященной производству следственных действий по ВКС с участием лиц, использующих русский жестовый язык. В ней необходимо закрепить обязательность предварительной проверки технических параметров связи; обеспечение постоянной видимости переводчика и участника следственного действия; непрерывную видеозапись обоих каналов коммуникации; отражение в протоколе данных о квалификации переводчика, технических средствах и технических сбоях; право участника и защитника заявить ходатайство о замене переводчика при сомнении в полноте и точности перевода [5].

В-третьих, на законодательном и ведомственном уровнях следует закрепить правило о недопустимости выполнения функций сурдопереводчика сотрудником органа, осуществляющего задержание, конвоирование, охрану, оперативное сопровождение или иное процессуально значимое взаимодействие с лицом. Исключение возможно лишь для кратковременной внепроцессуальной коммуникации, необходимой для обеспечения безопасности, вызова медицинской помощи, предотвращения вреда или объяснения элементарных организационных действий. Такая коммуникация не должна подменять следственное действие и не должна использоваться как источник процессуально значимых показаний.

В-четвертых, при возникновении спора о корректности перевода следует шире использовать возможности последующей проверки видеозаписи. Такая проверка может осуществляться путем привлечения иного переводчика русского жестового языка, консультации специалиста либо назначения судебно-лингвистической экспертизы, если требуется оценить точность передачи смысла сообщений, наличие искажений, пропусков или неверного толкования жестовых конструкций [8]. Это особенно важно в дистанционном формате, поскольку ошибка перевода может быть внешне незаметна для следователя, но содержательно существенна для оценки показаний.

В-пятых, ведомственные инструкции по организации ВКС при производстве следственных действий должны включать минимальные технические параметры, значимые именно для русского жестового языка: устойчивое изображение без существенной задержки, достаточную освещенность, видимость лица, корпуса и кистей рук, запрет на автоматическое переключение активного окна при ключевых репликах, возможность демонстрации переводчика в отдельном постоянном окне, проверку качества связи до начала следственного действия и фиксацию результатов такой проверки. Эти требования не являются избыточными, поскольку непосредственно связаны с возможностью восприятия и передачи юридически значимой информации [2], [7].

Предлагаемые изменения не направлены на усложнение расследования ради формальности. Напротив, они позволяют снизить риск признания доказательств недопустимыми, уменьшить количество процессуальных споров и обеспечить доверие к результатам следственного действия. Цифровизация уголовного процесса должна оцениваться не только по критерию скорости, но и по критерию способности сохранять гарантии лиц, находящихся в уязвимом коммуникативном положении.

Заключение

Участие переводчика русского жестового языка при производстве следственных действий с использованием видеоконференц-связи является необходимой гарантией реализации права на защиту, права быть услышанным и права пользоваться языком, которым владеет участник уголовного судопроизводства. Действующее законодательство создало общую модель дистанционных следственных действий, но пока не обеспечило ее должной адаптации к ситуациям, связанным с использованием русского жестового языка.

Проведенный анализ показывает, что основные проблемы сосредоточены в трех взаимосвязанных блоках: процессуальная неопределенность статуса сурдопереводчика, недостаточная регламентация технических условий ВКС и отсутствие прямого запрета на подмену профессионального перевода бытовыми навыками жестовой коммуникации. Эти проблемы приобретают практическое значение при допросе, очной ставке и опознании, поскольку именно в таких следственных действиях точность восприятия вопроса и ответа непосредственно влияет на содержание доказательственной информации.

Решение обозначенных проблем видится в прямом нормативном закреплении квалификационных требований к переводчику русского жестового языка, уточнении его процессуального статуса, введении специальных правил участия по ВКС, обязательной фиксации условий перевода и развитии механизмов последующей проверки качества перевода. Только при таких условиях дистанционный формат будет не формальной цифровой оболочкой следственного действия, а процессуально полноценной процедурой, соответствующей требованиям законности, справедливости и уважения достоинства личности.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 04.04.2026).
2. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон: [от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026)] // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 04.04.2026).
3. Российская Федерация. Законы. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: федер. закон: [от 24 нояб. 1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 25.12.2023)] // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 04.04.2026)

4. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 (ред. от 09.12.2025) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/ (дата обращения: 04.04.2026).
5. Об утверждении профессионального стандарта «Переводчик русского жестового языка»: приказ Минтруда России от 14 янв. 2022 г. № 13н // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_409645/ (дата обращения: 04.04.2026).
6. Голикова Н.Л. Правовой статус и формы участия специалиста-сурдопереводчика в производстве по уголовному делу / Н.Л. Голикова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2025. — № 7 (157).
7. Голикова Н.Л. Криминалистические особенности исследования личности слабослышащих и глухонемых как участников уголовного судопроизводства / Н.Л. Голикова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2025. — № 5 (155).
8. Голикова Н.Л. Использование судебно-лингвистической экспертизы в процессе доказывания / Н.Л. Голикова // Cifra. Право. — 2025. — № 3 (7).
9. Соловьева Н.А. Средства невербальной коммуникации в деятельности следователя / Н.А. Соловьева, Е.В. Вологина, Л.В. Попова // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2025. — № 4 (75).
10. Зверев В.О. Установление психологического контакта как организационно-тактическая особенность в деятельности следователя при производстве допроса подозреваемого / В.О. Зверев, А.Б. Соколов, О.Г. Половников [и др.] // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2019. — № 2 (77).
11. Бирюков С.Ю. Тактические аспекты применения средств невербальной коммуникации в ходе производства допроса / С.Ю. Бирюков, А.В. Трубчинов // Вестник УЮИ. — 2025. — № 4 (110).
12. Федоров В.С. Психологические аспекты тактики допроса: применение невербальной коммуникации для получения информации от подозреваемых / В.С. Федоров, А.Р. Калимуллов // Вопросы российской юстиции. — 2024. — № 31.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Rossiiskaya Federatsiya. Zakoni. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii [Russian Federation. Laws. Constitution of the Russian Federation]: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended and approved during the nationwide vote on July 1, 2020) // KonsultantPlyus: sprav.-pravovaya sistema [ConsultantPlus: reference and legal system]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: 04.04.2026). [in Russian]
2. Rossiiskaya Federatsiya. Zakoni. Ugolovno-protsessualnii kodeks Rossiiskoi Federatsii [Russian Federation. Laws. Criminal Procedure Code of the Russian Federation]: Federal Law: [of December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on March 8, 2026)] // KonsultantPlyus: sprav.-pravovaya sistema [ConsultantPlus: reference and legal system]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (accessed: 04.04.2026). [in Russian]
3. Rossiiskaya Federatsiya. Zakoni. O sotsialnoi zashchite invalidov v Rossiiskoi Federatsii [Russian Federation. Laws. On the Social Protection of Persons with Disabilities in the Russian Federatio]: Federal Law: [of November 24, 1995, No. 181-FZ (as amended on December 25, 2023)] // KonsultantPlyus: sprav.-pravovaya sistema [ConsultantPlus: reference and legal system]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (accessed: 04.04.2026). [in Russian]
4. O praktike primeneniya sudami zakonodatelstva, obespechivayushchego pravo na zashchitu v ugovnom sudoproizvodstve [On the practice of courts applying legislation ensuring the right to defense in criminal proceedings]: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 30, 2015, No. 29 (as amended on December 9, 2025) // KonsultantPlyus: sprav.-pravovaya sistema [ConsultantPlus: reference and legal system]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/ (accessed: 04.04.2026). [in Russian]
5. Ob utverzhdenii professionalnogo standarta «Perevodchik russkogo zhestovogo yazika» [On approval of the professional standard "Russian Sign Language Interpreter"]: Order of the Ministry of Labor of Russia dated January 14, 2022, No. 13n // KonsultantPlyus: sprav.-pravovaya sistema [ConsultantPlus: reference and legal system]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_409645/ (accessed: 04.04.2026). [in Russian]
6. Golikova N.L. Pravovoi status i formi uchastiya spetsialista-surdoperevodchika v proizvodstve po ugovnomu delu [Legal status and forms of participation of a sign language interpreter in criminal proceedings] / N.L. Golikova // Mezhdunarodnii nauchno-issledovatel'skii zhurnal [International Research Journal]. — 2025. — № 7 (157). [in Russian]
7. Golikova N.L. Kriminalisticheskie osobennosti issledovaniya lichnosti slaboslyshashchikh i glukhonemikh kak uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva [Forensic features of the study of the personality of the hearing-impaired and deaf-mute as participants in criminal proceedings] / N.L. Golikova // Mezhdunarodnii nauchno-issledovatel'skii zhurnal [International Research Journal]. — 2025. — № 5 (155). [in Russian]
8. Golikova N.L. Ispolzovanie sudebno-lingvisticheskoi ekspertizi v protsesse dokazivaniya [The Use of Forensic Linguistic Expertise in the Process of Evidence Presentation] / N.L. Golikova // Cifra. Pravo [Cifra. Law]. — 2025. — № 3 (7). [in Russian]
9. Soloveva N.A. Sredstva neverbalnoi kommunikatsii v deyatelnosti sledovatelya [Means of non-verbal communication in the activities of an investigator] / N.A. Soloveva, E.V. Vologina, L.V. Popova // Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. — 2025. — № 4 (75). [in Russian]
10. Zverev V.O. Ustanovlenie psikhologicheskogo kontakta kak organizatsionno-takticheskaya osobennost v deyatelnosti sledovatelya pri proizvodstve doprosa podozrevaemogo [Establishing psychological contact as an organizational and tactical feature in the activities of an investigator during the interrogation of a suspect] / V.O. Zverev, A.B. Sokolov, O.G. Polovnikov

[et al.] // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nikh organakh [Psychopedagogy in law enforcement agencies]. — 2019. — № 2 (77). [in Russian]

11. Biryukov S.Yu. Takticheskie aspekty primeneniya sredstv neverbalnoi kommunikatsii v khode proizvodstva doprosa [Tactical aspects of the use of non-verbal communication during interrogation] / S.Yu. Biryukov, A.V. Trubchaninov // Vestnik UYU [Bulletin of the UYU]. — 2025. — № 4 (110). [in Russian]

12. Fedorov V.S. Psikhologicheskie aspekty taktiki doprosa: primeneniye neverbalnoi kommunikatsii dlya polucheniya informatsii ot podozrevaemikh [Psychological aspects of interrogation tactics: the use of non-verbal communication to obtain information from suspects] / V.S. Fedorov, A.R. Kalimullov // Voprosy rossiiskoi yustitsii [Issues of Russian Justice]. — 2024. — № 31. [in Russian]